

Величко С.А.

РОЖДЕНИЕ ВИЗАНТИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

С момента образования Римской мировой державы здесь стал ощущаться антагонизм между издавна связанными общностью культурной и политической жизни восточными и западными провинциями империи. Это противостояние носило как культурный, так и политический характер. Одним из основных элементов его культурного выражения являлось языковое различие между латиноговорящим западом и грекоговорящим востоком, то есть на западе империи языком межнационального общения был признан латинский язык, восточные же провинции остались верны утвердившемуся здесь еще в IV в. до н. э. греческому [1; 35]. В политическом же плане поначалу отчуждение востока выражалось лишь в слабом участии жителей восточных провинций в политической жизни Рима. Так, в римском сенате, в состав которого постепенно стали входить выходцы из провинции империи, представители грекоязычных частей империи составляли ничтожно малую часть от общего числа сенаторов-провинциалов [1; 25].

Однако проявляя себя относительно слабо при сильном государстве, антагонизм вспыхивал во время периодических стычек за императорскую власть при так называемых “кризисах власти”.

Так, через полвека после смерти основателя Римской империи Октавиана Августа во время кризиса 68–69 гг. н. э. произошло столкновение между западными (германскими) легионами, поддерживавшими притязания своего командующего Вителлия на императорский престол, и легионами, расквартированными на востоке (в Сирии, Иудее, Египте), поддерживавшими своего командующего Флавия Веспасиана [2; 455]. Эта война велась с давно невиданным ожесточением. Легионы Флавия жестоко обходились даже с мирными жителями западных провинций — несколько городов было полностью разрушено, а их жители истреблены. Об этом конфликте еще нельзя сказать, что это было столкновение востока и запада (в армии Веспасиана было очень небольшое количество уроженцев востока). Однако он интересен тем, что все последующие гражданские войны в империи развивались по его образцу (только количество местных жителей в армии востока неуклонно возрастало).

В этой войне победил Веспасиан. Одним из результатов войны был рост влияния провинций на управление империей. Но, несмотря на то, что в гражданской войне победил император, опиравшийся на восточные легионы, главенствующее положение в государстве в этот период приобрели все же западные провинции. Почти все выходцы оттуда были удостоены звания сенатора. Так, первые императоры, провинциалы по происхождению, Троян (98–117 гг. н. э.) и его преемник Андриан (117–138 гг. н. э.) были родом из Испании [3; т.1, с.279].

Восток же, как уже говорилось, слабо участвовал в политической жизни государства. В этот период только культура восточной части Римской империи стала преобладать на всей территории государства. О популярности восточных культов мы уже писали [4; 6]. Здесь же хотелось бы обратить внимание на тот факт, что практически все мыслители, творившие в период наивысшего могущества Рима, который относят ко II в. н. э., были родом с востока империи: Плутарх, составивший свои знаменитые жизнеописания, — из Хиронии; историки Аптиан и Арриан — соответственно из Александрии Египетской и Никомедии (Вифиния); философ-стоик Эпиктет — из Фригии и т. д.

Рост политического влияния востока и возникновение его самоосознания как единой политической целостности относится к концу II в. н. э. и совпадает с началом ослабления системы государственного управления ранней Римской империи, т. е. принципата.

В 193 г. н. э. после убийства преторианцами императора Петринакса восточные провинции активно поддержали претензии на римский престол легата Сирии Песценция Нигера. Если в войне 68–69 гг. н. э. восток вел себя пассивно и оказал незначительную помощь Веспасиану, то в событиях 193 г. н. э. именно восточные города, прежде всего Антиохия, стали главными помощниками Нигера в его борьбе за власть над империей [5; 210]. Жители восточных провинций активно вступали в его армию, города предоставляли ему финансовую помощь [3; т.2, с.184].

Но в сражениях с западными легионами, возглавляемыми Септимием Севером, армия Нигера была разбита, а сам он погиб [3; т.2, с. 189].

Однако, несмотря на поражение и репрессии, роль восточных провинций продолжала расти. Уже победитель, желая сделать сенат более покорным, пополнил его “...образованными и красноречивыми уроженцами восточных провинций” [5; 220].

Сын Септимия Севера Каракалла провел на востоке большую часть своего царствования. После гибели Каракаллы армия провозгласила императором Элагабала, считавшегося побочным сыном Каракаллы. Он являлся жрецом солнечного бога города Эмессы и впервые в римской истории попытался утвердить в Риме восточные культурные и политические традиции. Так, он объявил чисто восточный культ солнечного бога государственной религией империи. Его дворец утопал в восточной роскоши. Однако эта попытка провалилась — Элагабал был убит, а императором стал его двоюродный брат Александр. Он также являлся уроженцем востока, однако в империи пытался возродить исконно римские традиции управления государством. Опорой ему в этих реформах были или коренные римляне, или выходцы с запада империи [5; 231].

Однако попытки его и наследовавших ему императоров спасти систему управления, основанную на собственно римских государственных структурах, потерпели полный провал. Вскоре после гибели Александра империя вступила в тяжелый политический кризис. За полвека, прошедших с момента его гибели до вступления на римский трон Диоклетиана, сменилось семнадцать законных императоров. Некоторые из них правили меньше месяца и почти все умерли насильственной смертью.

В это же время провинции стали проявлять сепаратистские устремления.

На западе некоторые провинции обзаводились собственными императорами, а почти все восточные провинции попали под власть правителя города Пальмиры Одената [5; 479]. Связи между частями империи стали ослабевать. Но правившим во второй половине III в. н. э. императорам Клавдию Готскому (268–270 гг. н. э.), Аврелиану (270–275 гг. н. э.) и Пробу (276–282 гг. н. э.) удалось восстановить территориальную целостность империи. Восточные провинции были возвращены последними после самой тяжелой борьбы [5; 474].

Однако основная роль в преодолении политического кризиса и временном восстановлении могущества римского государства принадлежит Диоклетиану, илирийцу по происхождению, сыну вольноотпущенника [6; 184]. Этот император, осознав слабость прежней системы управления государством, провел административные реформы, в результате которых была создана более эффективная система управления — доминат. Новая система была во многом основана на восточных традициях государственного управления, практически все собственно римские традиции управления этой системой были отброшены [3; 327]. Рим, номинально оставаясь столицей, перестал быть административным и политическим центром, римский сенат превратился фактически в городской совет, была ликвидирована преторианская гвардия.

Император Диоклетиан также ввел еще одно новшество, сильно повлиявшее на дальнейшие события. Осознав невозможность эффективного управления империей из отдаленного центра, он в целях повышения обороноспособности разделил империю, оставив под своим контролем богатые восточные провинции и Фракию (то есть всю территорию будущей Восточно-римской империи). Западную же часть он разделил между несколькими правителями, обладающими на выделенных им территориях всей полнотой власти. Даже юридически они были равны ему. Однако всем обязанные Диоклетиану, они относились к нему “с признательностью и покорностью” [5; 537].

Именно в это время восток окончательно осознал себя единым политическим и экономическим организмом, в то время как римская империя в целом перестала им быть.

С этого же времени восточные провинции приобрели главенствующее положение. Именно там почти постоянно находились последние из общеримских императоров, появляясь в Риме только на очень большие праздники.

Есть, как мне кажется, несколько основных причин роста роли востока и перемещения туда административного центра империи.

Прежде всего, предшествующие правлению Диоклетиана десятилетия были насыщены внутренними мятежами и вторжениями варваров. Все эти неурядицы затронули, в первую очередь, западную часть империи, в результате чего экономическая жизнь этих территорий была подорвана, провинции обнищали и из-за частых военных действий обезлюдели. Восточные же провинции, которые политический и экономический кризис затронул в гораздо меньшей степени, находились в значительно лучшем положении [6; 105].

Перемещение административного центра из Рима было теснейшим образом связано с новой системой управления государством. После окончательного разрыва с остатками республиканских традиций и придания своей власти деспотического характера императорам было неуютно находиться в городе, где несмотря на то, что империя насчитывала уже триста лет, был еще силен республиканский дух и находился хоть и лишенный реальной власти, но все же авторитетный орган республиканского управления — сенат. Находясь в Риме, императоры должны были до некоторой степени считаться с ним [1; 24]. Переместив же свой административный центр за пределы Рима, императоры полностью освободились от влияния этого последнего пережитка республики.

Перенесение центра государства на восток объясняется прежде всего тем, что, как уже указывалось, экономическое положение восточных провинций было лучше, чем на западе, а это обеспечивало хорошее состояние государственной казны. На востоке наличие естественных преград (воды, горы, пустыни) значительно повышало оборонительную способность этих территорий, а это во время постоянных смут и вторжений являлось немаловажным фактором.

Кроме этих, существовали причины несколько другого характера. Культурный уровень на востоке всегда был выше, чем на западе. Это во многом объясняется тем, что в состав восточных провинций входили народы, культура которых имела очень высокий уровень развития, все основные культурные центры империи также находились там.

На западе же в состав империи вошли народы с еще очень молодой культурой, существенно уступавшей по своему уровню античной. Значительных имперских культурных центров на западе фактически не существовало. Поэтому кризис античной культуры также гораздо сильнее сказался в западных провинциях, где резко уменьшилось количество грамотных людей и ухудшилось качество образования. Новому же

государственному аппарату были необходимы в большом количестве грамотные служащие. Именно восток, где культурный уровень был более высоким, и мог их предоставить.

Еще одна из главных причин заключалась в том, что торжество домината означало установление такой системы взаимоотношений между властью и человеком, которая была непривычна для греко-римского мира, но зато вполне естественна для деспотий, вошедших в состав империи на востоке [7;60]. Поэтому именно там, где роскошь дворцов и одеяний, абсолютное самовластие и покорность давно стали нормой жизни, императоры и стремились основать новый центр империи. Вскоре после отречения Диоклетиана это и было осуществлено.

После ухода Диоклетиана с политической арены в империи разгорелась борьба за власть, исход которой решился в 323–324 гг. н. э. в сражениях между армиями запада, которую вел Константин, и востока, командующим которой был Лициний. Победил Константин, вновь временно объединив под своей властью всю империю [8; 71].

Однако несмотря на то, что в борьбе за власть Константин опирался на западные провинции, именно он завершил реформы Диоклетиана и окончательно перенес центр уже разваливающейся империи на восток, в основанный им город. Город, впоследствии известный как Константинополь, поначалу имел символическое название Второй Рим. Отныне в империи было две столицы [7; 69].

Появление Константинополя было внешним выражением того факта, что империя уже не составляет единого целого. Различные пути развития кризиса в ее отдельных областях, обусловленные разницей в их экономическом и социальном строе, привели к фактическому расколу империи сначала на восточную и западную половины, а потом и на более мелкие части.

Огромное влияние на последующие события оказало и другое нововведение Константина — принятие христианства и провозглашение его официальной религией империи. С этого момента (313 г. н. э.) собственно и начинается история Византии, ибо, по замечанию Аверинцева С. С., «...христианство и цезаристская идея священной державы в эпоху Константина встретились, составив два полюса византийского общественного сознания, необходимым образом дополняющих друг друга» [7; 59]. Действительно, основой этого уникального государства и был не народ, не общество, а императорская власть и христианская церковь.

После смерти в 337 г. н. э. Константина империя была разделена между тремя его сыновьями. Через тринадцать лет (350 г. н. э.) средний сын Констанций, опираясь на значительные человеческие и материальные ресурсы востока, сумел вновь воссоединить всю территорию под своей властью. Однако он был последним, кому удалось это сделать на продолжительный срок.

После его смерти и последовавшей вскоре гибели последнего представителя династии Константина Юлиана Отступника (361–363 гг. н. э.) империя вновь была разделена между братьями Валентианом и Валентом, причем следует отметить, что раздел империи был произведен под давлением народа и армии [9; 360].

Если официально империя еще считалась единым политическим организмом, то фактически с этого времени она окончательно разделилась на два государства.

В последний раз после гибели Валентиана III в 392 г. н. э. обе части империи после продолжительной войны были воссоединены императором Феодосием Великим, однако всего на пять месяцев.

После смерти Феодосия (395 г. н. э.) империя вновь была разделена на западную и восточную части [10; 25].

Это разделение не было только политическим решением одного человека. Области восточной части империи, тесно связанные друг с другом издавна сложившейся общностью исторического и культурного развития, имели слишком много отличий политического и культурного характера от Италии и западных провинций [10;66].

Как видно из всего здесь изложенного, если поначалу сильная власть и экономика сдерживали этот антагонизм, то с их ослаблением стали сразу же активизироваться центробежные силы, которые и привели в конечном счете империю к распаду.

После разделения западная часть, экономика которой, как уже говорилось, была подорвана кризисом рабовладельческого хозяйства, а внутривластная жизнь — непрекращающимися мятежами и варварскими нашествиями, пала всего через восемьдесят лет, а Византия благодаря сильной экономике и относительно стабильной внутренней жизни существовала еще тысячелетие, восхищая все человечество своей неповторимой цивилизацией и культурой.

Из всего изложенного, как мне кажется, можно сделать вывод, что Римское государство сыграло выдающуюся роль в процессе, обусловившем рождение Византии, ибо благодаря ему общность культурная, издавна существовавшая на востоке империи, была дополнена общностью политической. С началом же ослабления Рима в процессе противостояния с другими частями державы эта общность была самоосознана восток и привела его к выделению из состава империи в отдельное государство.

Литература:

1. Джонс А. Х. М. Гибель Античного мира. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

2. Корнелий Тацит. История. – Санкт-Петербург: Наука, 1993.
3. Карл Крист. История времен римских императоров. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
4. Величко С. А. Византия и Запад – эволюционный и революционный путь развития /Сб. “Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней”. – Симферополь, 1996.
5. Гиббон Эдуард. Закат и падение Римской империи. – М., 1996.
6. Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. – М.: Изд.-во ЛГУ, 1979.
7. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: CODA, 1997.
8. Успенский Ф. И. История Византийской империи. – М.: Мысль, 1996.
9. Аммиан Марцелин. Римская история. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1996.
10. История Византии / Под ред. Сказкина С. Д. – М.: Наука, 1967. – Т. I.